

Памяти Л. А. Чугаева.

Б. К. Климов.

После 5-ти лет всевозможных лишений, почти нечеловеческих усилий не быть захлестнутым вихрем общей разрухи, на пороге открывающейся возможности жизни и работы в культурных условиях — в каком-то далеком „Грязовце“ Вологодской губ. умер русский ученый Лев Александрович Чугаев.

Умер, как рядовой обыватель, заброшенный на далекий север, без нужных медицинских средств и необходимой первоклассной помощи.

Разве это не трагедия Российской действительности. В стране, столь бедной людьми с инициативой, наделенными несомненным талантом, смерть безжалостно, неумолимо вырывает одну жертву за другой, как раз из лиц наиболее незаменимых и ценных для нас.

Рамки настоящей статьи конечно не позволяют касаться всей биографии Льва Александровича. Я имею более скромное намерение поделиться воспоминаниями об Лье Александровиче, принимавшем огромное участие и отдававшего много времени организации и работе Опытного Завода Российского Института Прикладной Химии.

Я припоминаю 1915-16 годы разгара мировой войны, когда среди членов русского Физико-Химического Общества созрела мысль создания Военно-Химического Комитета для работ на помощь фронту и организации опытного завода — этой первой ступени нарождавшейся химической промышленности страны. Приглашенный для организации и постройки Опытного Завода, я пришел в конце 1915 года к Льву Александровичу дабы вместе обсудить весь план организации. Лев Александрович встретил меня за своим большим письменным столом, заваленным книгами, рукописями и среди них портретом Пастера, и начал с жаром, и явно увлекаясь сам, сообщать мне будущее значение создаваемого Опытного Завода. И хотя из краткой беседы это будущее еще очень смутно вырисовывалось и можно было бы еще долго говорить об его значении, но неподдельная искренность Льва Александровича и тот буквально юношеский энтузиазм, которым

дышала вся речь его, казалось устраняли все сомнения, и я, не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, несмотря на постройку другого завода, мною руководимого, всецело отдался этому делу, оставив в стороне все меркантильные расчеты. И должен сознаться, впоследствии никогда не раскаиваясь в сделанном шаге и всегда с величайшим удовольствием вспоминал и вспомню этот вечер в конце 1915 года.

Вот эта то неподдельная искренность Льва Александровича, ни перед чем не отступающая горячность и напористость, заставлявшие всех соприкасавшихся с ним лиц слепо верить ему и невольно поддаваться его влиянию и также загораться — были характерными его чертами, заставлявшими с первого знакомства быть его последователями и единомышленниками, но и плодившие подчас среди лиц с убогими мещанскими горизонтами врагов его.

Живо интересуясь судьбой и всеми работами Опытного Завода, Лев Александрович часто приходил по утрам к нам на Ватный Остров и обходил со мною Отделения Завода, вникая во все детали шедших производств. Давал советы и высказывал свои суждения по поводу возникавших технических затруднений и непредвиденных в лабораторном масштабе обстоятельств. Всегда поражал своей проникновенностью в химическую природу возникавших вопросов и широтой взглядов на организацию вновь нарождавшихся производств, не быв никогда сам практиком, в полном смысле этого слова.

Я припоминаю весну минувшего 1922 года. Придя ранее обыкновенного к нам на завод и после обычного обхода, уже прощаясь со мною, он как бы обронил: „я сегодня еще почти не ложился спать, ужасно легко работалось всю ночь, до самой зари, а сейчас пришел к вам несколько освежиться. Я невольно, подняв голову, совершенно машинально скользнув взглядом по серебрившимся нитям его бороды и волос, подумал: разве же мог бы рядовой человек, узкий педант, с таким увлечением, на исходе пятого десятка лет, отдаваться своей работе, забывая сон, и идти с целью ободрить свои нервы на завод, чтобы сменить лабораторную обстановку, видеть в производственном масштабе претворение человеческой мысли. Никогда. Так мог работать только незаурядный человек, обладавший истинно творческим полетом мысли, человек, который создавал, творил в полном смысле этого слова и своим творчеством увлекал других.

Обладая безгранично добрым сердцем и отзывчивостью к чужому горю, Лев Александрович, часто сам нуждаясь в необходимом и подчас даже продавая ту или иную книгу из своей библиотеки, органически не мог отказывать в материальной помощи к нему обратившимся.

Всем лицам, проявившим хотя бы малейшее желание работать и инициативу, Лев Александрович находил работу, пристраивая либо у себя, либо посылая на Опытный Завод. И я думаю, только одну десятую всех посылаемых завод мог оплатить и наделить тою или иною работой. Но чему нужно отдать безусловную справедливость, никогда не пришлось заводу пожалеть о сотрудничестве с лицами, „открытыми“ и посланными Львом Александровичем. К нему слетались, как на мерцавший огонек, среди царившего мрака все жаждущие света и работы научной мысли.

Роль Льва Александровича в Институте Прикладной Химии и в частности и на Опытном Заводе была огромна. Целый ряд производств был поставлен по его инициативе и некоторые из них открыли большую страницу в истории нашей деятельности.

На Опытном Заводе при его ближайшем участии и по его инициативе были пущены в ход следующие производства: красной соли — для приготовления чертежных синек, хлористого хрома в качестве удушающего средства, металлического мышьяка путем восстановления древесным углем белого — для сплава оболочек для пуль — оба последние производства в разгар мировой войны и, наконец, производство красного фосфора. Это производство, являющееся единственным во всей России, пущенное в настоящее время в большом заводском масштабе, покрывающее всю потребность спичечных фабрик России — будет навсегда памятником деятельности Льва Александровича на Опытном Заводе.

Во время развернутое с опытного размера до заводского — оно позволило Заводу, сброшенному с Госснабжения и лишеного всяких средств — материальных и денежных, встать крепко на ноги, организовать целый ряд еще подобных производств, как то фосфорного ангидрида и фосфорной кислоты, а также добиться, чтобы больше ни один пуд заграничного фосфора не проникал на русский рынок.

Помимо описанного значения в чисто производственной области, Лев Александрович являлся одним из главных лиц, руководивших деятельностью Института и направлявшем кормило нашего корабля по зыбким волнам современной действительности. Всегда во главе всех начинаний, не знающий никогда никаких препонов к осуществлению намеченных идей, увлекаясь и увлекая за собой своих сотрудников, поддерживал веру в наиболее робких из них в тяжелое время канувшего прошлого.

Благо той стране, в которой еще встречаются лица, подобные Льву Александровичу. Их ум, благородство служат залогом дальнейшего развития и процветания. Льва Александровича нет больше

с нами, но разве жизнь, полная идей и кипучей деятельности, хотя бы и оборвавшаяся сразу — может оставить после себя пустоту. Никогда. „L'Humanité comprend plus de morts, que de vivants“ — (в то, что мы называем человечеством, входит больше мертвых, чем живых“).

Пусть же мысли и идеи Льва Александровича, весь он сам, своим примером, — остается среди нас и да послужит вся дальнейшая деятельность Опытного Завода лучшим памятником его работе в стенах, при его же участии созданного Российского Института Прикладной Химии.

